

Рассказы и рассказывания:
коммуникативные роли, социальные статусы
и речевые действия

Инна С. Веселова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, veselina@mail.ru*

Ксения М. Лысикова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, kslsikova99@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены коммуникативные особенности устного рассказывания о вещих сновидениях и описаны коммуникации внутри рассказа – между его персонажами. Материалом стали записанные авторами два варианта рассказа об одном и том же сновидении, услышанные в двух разных ситуациях. Коммуникативная структура рассматриваемой серии рассказов представлена взаимодействиями на трех коммуникативных уровнях: 1) между участниками интервью – в данном случае между собирателями-фольклористами и их собеседницей; 2) между персонажами рассказов – участниками событий, о которых идет речь; 3) между персонажами в «рассказах в рассказе» – например, в пересказе сновидения. Для анализа устного рассказывания в ситуации непосредственного межличностного общения была переработана схема коммуникативных уровней художественного нарратива В. Шмида. На каждом уровне мы последовательно рассмотрели фигуры коммуникантов (их номинации и обращения) и первичные речевые жанры общения. Доминантными ролями во внутренних коммуникациях рассказов о вещих снах являются перципиенты (сновидцы), конфиденты (толкователи), а жанрами – обращения за советами, просьбы о помощи, а также толкования и советы. Самой заметной из особенностей внутренних коммуникаций является их «открытость», когда беспрепятственно общаются живые и мертвые, далекие и близкие, духи и люди. Открытость коммуникации всех со всеми и навык подобного общения, по нашему предположению, и составляет предмет рассказывания о вещих сновидениях. На уровне межличностной коммуникации рассказчика и слушателей рассказ

позволяет сообщить о собственной метафизической чуткости и магической компетентности.

Ключевые слова: устный нарратив, рассказ о вещем сне, коммуникативные уровни, устная речь, речевой жанр

Дата поступления статьи: 9 января 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 января 2024 г.

Дата публикации: 27 сентября 2024 г.

Для цитирования: Веселова И.С., Лысикова К.М. Рассказы и рассказывания: коммуникативные роли, социальные статусы и речевые действия // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 3. С. 58–80. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-58-80

Story and story-telling: communicative roles, social status and speech acts

Inna S. Veselova

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, veselinna@mail.ru*

Ksenia M. Lysikova

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, kslysikova99@mail.ru*

Abstract. The article examines the communicative features of oral storytelling about prophetic dreams and communications presented within the story, involving its characters. The material consists of two versions of the story about the same dream recorded by the authors, heard in two different situations. The communicative structure of the series of stories is represented by interactions on three communicative levels: 1) among the participants of the interview – in this case between collectors of folklore and their interlocutor; 2) among the story characters – participants in the events represented; 3) among characters in “stories within a story” – for example, a retelling inside a dream. The scheme of communicative levels of V. Schmid’s artistic narrative has been adapted for analyzing oral storytelling in direct interpersonal communication situations. At each level we consistently examined the figures of communicants (their nominations and addresses) and primary speech genres of communication. One of the most notable features of internal communications is their “openness”, when the living and the dead, distant and close, spirits and people communicate freely. According to our assumption, the subject of stories about prophetic dream is the openness of communication between everyone and everyone.

At the level of interpersonal communication between the narrator and the listeners, the story allows to express their metaphysical sensitivity and magical competence.

Keywords: mythological story, narrative, story about a prophetic dream, communicative parameters, oral speech

Received: January 9, 2024

Approved after reviewing: January 29, 2024

Date of publication: September 27, 2024

For citation: Veselova, I.S. and Lysikova, K.M. (2024), "Story and story-telling: communicative roles, social status and speech acts", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 3, pp. 58–80, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-58-80

Устное рассказывание историй как особым образом организованная речевая деятельность представляет ничуть не меньший интерес, чем тексты рассказов, рассмотренные в композиционном, семантическом и прочих аспектах. Однако анализ исполнения сказок, легенд, быличек с точки зрения прагматики затруднен тем, что записи фольклорных произведений в ситуации интервью отличаются от «естественной» речевой практики. Мы предлагаем поискать следы спонтанных нарративных практик внутри рассказа о вещем сне, записанного в ходе неструктурированного интервью-беседы. Следями спонтанных практик мы называем реплики диалогов персонажей фольклорного нарратива, в которых сообщается об обсуждении, интерпретации событий рассказа и рекомендациях. Сравнение записанной фольклористами сессии story-telling и следов спонтанных рассказываний, по нашему предположению, даст возможность охарактеризовать коммуникативные конвенции устного рассказывания о сверхъестественных событиях. Материалом анализа стали полевые записи авторов.

Во время фольклорной экспедиции 2018 г. в одну из отдаленных деревень Мезенского района Архангельской области мы записали два варианта рассказа о вещем сне Н.Е., женщины 1958 г. р. Оба варианта связаны с трагическим для нее событием – гибелью ее полуторагодовалого сына. Это событие – одно из череды драм в жизни Н.Е., о которых она рассказала вскоре после знакомства. Рассказы стали частью особого общения, в устройстве, целях и эффектах которого мы поставили целью разобраться в рамках данной статьи. Непосредственное участие в беседах одной из нас и наличие качественной записи дает возможность учесть многие коммуникативные параметры рассказывания, в том числе и те, которые остаются за рамками текста рассказа.

Рассказывание о вещих снах – актуальная культурная практика в современном российском обществе. Ее разделяют и принимают те, чей жизненный опыт и мировоззрение часто расходятся по непересекающимся измерениям. В Фольклорном архиве СПбГУ, электронном архиве «Российская повседневность» и личном архиве одного из авторов статьи хранятся многочисленные записи рассказов о сновидениях и ситуациях их исполнения, сделанные от городских и деревенских жителей, пожилых и молодых мужчин и женщин, людей с высшим образованием и с едва законченным средним, состоятельных и едва сводящих концы с концами. Вера в ценность сновидческих образов и в их связь с обстоятельствами бодрствования разделяется многими.

Вследствие распространенности практики и обилия записанного материала рассказы о вещих снах регулярно становятся предметом анализа фольклористов. Одни рассматривают рассказы о вещих снах как тематический подвид жанра мифологического рассказа, другие выделяют их как отдельный жанр [Лазарева 2018]. Исследователи изучают нарративную структуру рассказов о вещих снах [Веселова 2002; Живица 2004], области тематизации [Мороз, Петров 2020, с. 10–19], связь с культурными стереотипами и снотолковательными системами [Лазарева 2018]. Рассказы о вещих снах рассматриваются и как речевая практика, подчиняющаяся особым коммуникативным конвенциям [Мигунова 2002; Левкиевская 2008; Черванева 2016]. Резюмируя реконструкции контекстов рассказывания произведений мифологической прозы, В.А. Черванева перечисляет три типа ситуаций, «когда текст возник спонтанно, без целенаправленного вопроса на “мифологическую” тему»:

- «классическая» ситуация – «непринужденная беседа на досуге, обмен репликами людей, которые состоят в доверительных отношениях» (диалог равных по статусу собеседников. – *Авт.*);
- ситуация «передачи опыта» – «...характерным признаком такой ситуации является коммуникативное доминирование рассказчицы, ее стремление воздействовать на собеседника, убедить его в достоверности сообщаемой информации» (диалог неравных по статусу собеседников. – *Авт.*);
- ситуация «доверительного сообщения» – «...при этом у самого рассказчика нет “правильного” ответа, он сам находится в состоянии когнитивной неопределенности, ожидает эмоциональной поддержки от собеседника. Наиболее часто такая ситуация наблюдается при экспликации рассказов о снах» (статусы равны или рассказчик ниже по статусу. – *Авт.*) [Черванева 2016, с. 149–151].

Важно отметить, что В.А. Черванева описывает типологию естественных ситуаций коммуникации, в которых обсуждаются сверхъестественные события. В рамках нашего исследования мы говорим о рассказах в ситуации фольклорного интервью. Однако полагаем, что начинающееся с просьбы о разрешении записать беседу на диктофон и с объяснения причин нашего интереса интервью быстро переходит к известному нашим собеседникам фрейму естественной беседы. Чаще всего рассказчики достаточно быстро выбирают подходящий формат для рассказывания. Вопрос, как именно происходит переключение «формального» регистра беседы на естественный, требует отдельного рассмотрения, так что оставим подробное изучение за рамками данной работы.

Ситуации бесед, в которых нами были записаны рассказы, в соответствии с изложенной типологией В.А. Черваневой скорее можно отнести ко второму типу, так как рассказчицей была старшая по возрасту и статусу женщина (хозяйка дома). Однако коммуникативного доминирования и явно обозначенной цели убеждения в своей правоте в ее исполнении не слышится, кроме того, коммуникация явно инициирована фольклористами. К третьему типу доверительного общения ситуацию тоже не отнести, так как рассказчица не находилась в состоянии когнитивной неопределенности, а сам рассказ был связным и давно сложившимся. В свою очередь, на слушательниц рассказ произвел сильное впечатление. Мы сопереживали нашей хозяйке, но при этом испытали трудность из-за непохожести наших конвенций общения с незнакомыми людьми на ее речевое поведение. Открытость в предъявлении рассказчицей своего тяжелого опыта показалась нам несколько чрезмерной, нам сложно было следить за репликами и действиями многочисленных персонажей – участников событий тридцатилетней давности, а также мы далеко не всегда понимали значения символов, на которые обращала внимание рассказчица. В общем, многое из первого рассказывания потребовало уточнений и обсуждения между собой.

В поиске ответа на вопросы о том, как роли и статусы коммуникантов связаны с целями рассказывания, мы используем методiku, разработанную И.С. Веселовой и А.В. Степановым при анализе коммуникативной структуры рассказов о сверхъестественных «встречах» [Веселова, Степанов 2019]. Исследователи обратили внимание на то, что в состав рассказа входят предшествующие рассказывания о взволновавших событиях и интерпретации этих событий разными слушателями. «Звучащие» внутри устных рассказов голоса предшествующих рассказываний дают нам возможность увидеть их значимость в ситуациях, когда собиратели не влияют на исполнение. Для определения ролей коммуникантов

в ситуации, близкой к той, которую В.А. Черванева характеризует как третий тип («доверительного общения»), И.С. Веселова и А.В. Степанов предложили термины «*перципиент*» и «*конфидент*». По их определению, *перципиентом* «является участник событий, который непосредственно испытал ощущения в результате воздействия необъяснимых сил», а *конфидентом* – «компетентное лицо, связанное с ситуацией и могущее, по мнению рассказчика, идентифицировать /объяснить происшедшее» [Веселова, Степанов 2019, с. 11–24].

Как мы уже сказали, нами были записаны два варианта рассказа об одном сновидении, которые были включены в два нарративных цикла, прозвучавшие в двух разных ситуациях с разницей в две недели. Ситуации различаются количеством участников, временем и местом, составом и последовательностью рассказов. Первый рассказ был услышан и записан нами в первые сутки знакомства дома у рассказчицы во время совместного приготовления обеда (вернее, рассказчица готовила его в русской печке и поясняла, как она это делает, городским девушкам), второй – через две недели, при посещении деревенского кладбища, расположенного за рекой от деревни. При первой записи присутствовали две собирательницы, при второй – шесть. Первое рассказывание представляло собой последовательность из трех рассказов, первым из которых был нарратив о месте постройки дома, в котором происходила беседа и с которым связаны трагические события, вторым – переходный элемент от мнений о «лешачьем месте», на котором стоит дом, к совету отнести рубаху местночтимому святому Юде Трофимовичу («К Богу не обращайся...») при поиске тела утонувшего сына, третьим – собственно рассказ о вещем сне и связанных с ним событиях.

Вторая запись, расшифровку которой мы приводим в приложении, но подробно не разбираем, была сделана, когда Н.Е. показывала группе деревенское кладбище. На кладбище есть несколько достопримечательностей – крест в память самосожжения на этом месте старообрядцев в конце XVII в., а также почитаемая могила упоминаемой в рассказе Агафьи Кирилловны. С рассказа о похоронах Агафьи Кирилловны и об утраченной с ее креста старинной иконе начинается второй цикл. Он продолжается рассказом о вещем сне Н.Е., затем вставлен эпизод с отнесением рубахи Юде Трофимовичу, и заканчивается серией подробным описанием событий, следовавших за сном.

Приведем первый цикл рассказов.

Да, прясла, вот это, прясла, да, прясла... вот жито... жито вот вешали раньше, поля были, здесь поля были. Ну бывает такое, что как-то в лес

заходишь и вот, говорят, начинает водить, ты вроде идешь правильно, думаешь: «Ага, я правильно иду», а тебя уже давно завернуло, ты уже не в ту сторону пошла. Вот... *Ну скажут: «Это водит».*

<А кто водит?>

Не знаю вот, кто водит, но... вот так природа, вот как-то, природа, вот, действительно, вот так вот может это... И вот прясла-то, ну вот когда это... *тетя Настя-то сказала, бабушка-то вот эта, что... «Н., у вас дом на лешачьем месте построен, тут раньше люди уходили и их начинало водить, они не знали, как выйти в деревню даже».*

<На лешачьем месте?>

Да... Ну... что... ну так старики приговаривали, что лешачье место, что лешаки водят... это как бы *старики говорят: «Лешаки водят».* Какие-то там... И вот мы даже... *я тоже не слыхала, сказала: «Там к Богу обращаешься»,* да...

Вот Д-с-то <сын> когда утонул, *она же и сказала: «Н., Богу не молись, не проси».* А откуда я знаю, и кто он такой, она сказала... *говорит: «Сходи на развилки». В лесу, если есть развилки, ну дороги расходятся в разные стороны, вот шла дорога, потом раз – тут пошло две от этой дороги. «Сходи на развилки и чё-нибудь повесь и попроси не Бога, а Юду Трофимовича¹».* И вот мы сделали, я купила сходила рубаху, и с мамой, с Л-й <свекровь> пошли на развилки здесь за рекой, тут есть развилки, повесили рубаху... и через день нашли...

<И что-то говорили, когда вешали?>

Нет, просто постояли, рубаху повесили и всё, постояли и всё... ну старуха сказала, посоветовала, вот...

<И нашли потом?>

Да, нашли-нашли... через день, наверное... Не через день, вот мы съездили сначала свесили... повесили рубаху...

А потом на другой день мама с папой съездили на кладбище... они как бы тоже там... у кого они просили, у какой-то... у какой-то... В общем, были раньше старики, делали добро, и старики были, делали зло, были, да, как и сейчас, старухи есть – лечат, а есть калечат... и вот которая старушка лечила, *они обращались к этой...*

<На кладбище?>

Да, на кладбище, как бы они там пообедали у ней, поели, как бы как обед провели и привезли подарок, а я не знала... А мне приснился сон...

<Что за сон?>

¹ Юда Трофимович – Юда Белошельский, местночтимый святой д. Белошелье Лешуконского р-на Архангельской обл. К Юдиной пустыни, где жил святой, ходят в паломничества жители всего района. В рассказе речь идет о подношении «рубахи» святому с просьбой о помощи не у Юдиной пустыни, а на развилке дорог.

Мне приснился сон... Вот эту старушку... говорят она была очень богатая, к которой они ездили, а когда её хоронили, дак тогда, видите, кто может богатый, тот... в общем дом у неё разворовали, стали хоронить, и не в чем было еще похоронить...

<Даже так?>

Что у ней детей не было, она как бы одна осталась тут и вот, когда хоронили, покупали, ну вот купили новое, ткань, ситец, все на живую нитку ей сшили платьё... но это уж потом рассказывали, когда нашли уж... мама, они увезли отрез, отрез уж купили ткань, отрез, кусок может метра три, завернули и в пакетик повесили к ней на столбик.

<Как подарок?>

Да, как подарок, да *как бы просили, чтобы найти-то Д-са-то проси... обращались-то.*

А мне приснился сон. Вот эта старуха, я-то вижу старый дом, старинный дом, ну я-то представляю, что такое старинные дома, они... и вот вижу эту старуху, незнакомая старуха, но старуха... На день рождение, народ собрались, а мы, как обычно, Т-ка <муж> бригадир же фермы был, а я продавец, мы обычно, куда-то нас приглашают, мы опаздываем... мы же... прийти с работы и тому и другому очень поздно, пока обряжаемся, да, в общем дети, накормить, тогда идем к кому-то там, на день рождение там, на юбилей или чего-то. В общем опоздали, и мы подарок привезли как бы... этой старухе вручам подарок, *а она вот говорит... говорит: «Мне, – говорит, – отрез-то на платье не надо, а косынку мне бы тёплую, платок тёплый».* И я вот... Мне сон приснился, я и побежала к родителям рассказывать, что сегодня вижу во сне какую-то старуху, старинный дом, она даже в повойнике, длинное вот платье, ну старинный наряд... Где-то... *«Но старуху, – говорю, – я не знаю, но она в повойнике...»* Такая как шапка блестящая надевали, не представляете, не знаете? Вот повойник называется <показывает руками вокруг головы>. Ну вот мать-то и говорит, что... *«Мы ездили вчера к Агафье Кирилловне, везли обед и увезли, – говорит, – ей отрез... на платье... только что я, – говорит...»* Мне-то она еще сказала: *«Мне бы отрез-то на платье с петухами, – главное я вот запомнила, – не надо».* Мать-то говорит: *«Девка, мы вот везли отрез-то, а петухи ли, не петухи, я даже и не помню».* Ну вот, я пошла опять в магазин, купила косынку, этот тёплый платок и поехали, съездили, с Т-кой, наверное, по-быстрому потому что съездили, этот платок ей повесили и посмотрели, что за отрез-то. Действительно, отрез с петухами.

<Ого!>

Да-да, и вот... вот... вот уже потом уже через день-то нашли... папа... папа-то поплыл, у Т-ки отец».

<А когда на кладбище родители ездили, вы не знали, что они поедут?>

Нет-нет, не знали, тогда искали, да как бы друг другу не говорят уже, обращались, кто к кому, было не до того тут. А она как бы чувствовала за собой грех, мать-то, на ней был-то ребёнок-то оставлен, она уже на пенсии была, она зашла в дом, а что там это... чё оставить на мостках, вот как бы я оставила? Год и четыре... только ребёнок заходил, вот он сидит-то, вот, видите, видите, какой малюсенький...²

Для анализа устного рассказывания в реконструируемой нами по рассказам ситуации непосредственного межличностного общения была использована переработанная И.С. Веселовой схема коммуникативных уровней художественного нарратива В. Шмида [Веселова, Степанов 2019]. Речевые взаимодействия в приведенном рассказе происходят на трех уровнях:

1) на уровне рассказывания – между участниками беседы / интервью,

2) внутри рассказа – между персонажами,

3) в «рассказах в рассказе» – между персонажами сновидения.

Схемы каждого из речевых взаимодействий представлены в таблицах. В табл. 1 каждой коммуникации соответствует отдельная ячейка. В верхнем левом углу ячейки представлен адресант коммуникации, в правом нижнем – адресат. Мы указываем курсивом те номинации коммуникантов, которые были использованы в рассказе, а в скобках даем пояснения, кто кем является в рассказе. Например, в разговоре между рассказчицей и ее свекровью после увиденного сна свекровь, объясняя значение сна, обращается к невестке «*девка*», как и принято при обращении женщин к подругам или младшим родственницам в деревне.

В трех частях табл. 2 расписаны характеристики коммуникантов: адресат /адресант, конфидент /перципиент, старший /младший, более высокий /менее высокий социальный статус.

Таблица 1

Схемы коммуникативных уровней рассказывания

Первый коммуникативный уровень (интервью)				студентки
Н. Е.	Второй коммуникативный уровень (коммуникации между персонажами рассказов)			
	Персонажи в рассказе 1 («Лешаки водят»)	Персонажи в рассказе 2 («Вот Денис-то когда утонул...»)	Персонажи в рассказе 3 («А мне принесли сон...»)	

² ФА СПбГУ, Mez22–232. Ж., 1958 г. р. Езевец, 2018.

Продолжение табл. 1

Н. Е.	<i>старики, тетя Настя³</i>	<i>тетя Настя</i>	хоронившие старуху («говорили»)	студентки
	блуждающие на «лешачьем месте»	<i>Н-я (Н. Е.)</i>	другие односельчане	
		<i>я, мама (Н. Е., ее свекровь)</i>	<i>я (Н. Е.)</i>	
		<i>Юда Трофимович</i>	<i>мама (свекровь Н. Е.)</i>	
			<i>я, мы (свекровь и свекор)</i>	
			<i>девка (Н. Е.)</i>	
			Третий коммуникативный уровень (коммуникации во сне)	
			старуха	
			<i>(Н. Е.)</i>	
			<i>мы (свекровь и свекор)</i>	
			<i>Агафья Кирилловна</i>	

³ Через косую линию представлены коммуниканты конкретных речевых взаимодействий (адресанты и адресаты). Курсивом даны номинации персонажей, употребленные в рассказах. В скобках номинации поясняются с точки зрения собирателей.

Таблица 2

Характеристика коммуникативных ситуаций,
адресатов и адресантов рассказываний
на каждом коммуникативном уровне

Коммуникативные уровни	Коммуникативные ситуации	Коммуниканты
I. Первый коммуникативный уровень	I.1. Коммуникация во время интервью	Адресант серии рассказов: Н. Е., хозяйка дома, информантка 60-ти лет; Адресаты серии рассказов: две студентки, фольклористки из Санкт-Петербурга 18 и 19 лет. Половозрастной статус адресанта выше статуса адресатов, но образовательный статус – ниже; социальные роли – хозяйка дома и гости, что тоже дает преимущество рассказчице. Роли перцепиентов и конфидентов не работают в этом общении.
II. Второй коммуникативный уровень	II.1. Разговоры о причинах блуждания на «лешачьем месте»	Адресанты: старики, тетя Настя, которые выносили суждение о том, почему терялись люди, и сообщали пострадавшим свое мнение («Лешаки водят»). Их субъектность выражена сказуемым 3 лица мн. ч. в неопределенно-личном предложении («Ну скажут: “Это водит”»), а потом уточнены в номинации «старики» («...ну так старики приговаривали, что лешачье место, что лешаки водят... это как бы старики говорят: “Лешаки водят”). Адресаты – люди, которые терялись на месте, где вешали прясла, и среди них Н-я, рассказчица. Адресанты – старики. Возрастной статус адресантов выше адресатов, в коммуникации их роли – интерпретаторы и конфиденты для своих слушателей.

Продолжение табл. 2

<p>II. Второй коммуникативный уровень</p>		<p>Адресанты: старики, тетя Настя, которые выносили суждение о том, почему терялись люди, и сообщали пострадавшим свое мнение («Лешаки водят»). Их субъектность выражена сказуемым 3 лица мн. ч. в неопределенно-личном предложении («Ну скажут: “Это водит”»), а потом уточнены в номинации «старика» («...ну так старики приговаривали, что лешачье место, что лешаки водят... это как бы старики говорят: “Лешаки водят”).</p> <p>Адресаты – люди, которые терялись на месте, где вешали прясла, и среди них Н-я, рассказчица. Адресанты – старики.</p> <p>Возрастной статус адресантов выше адресатов, в коммуникации их роли – интерпретаторы и конфиденты для своих слушателей.</p>
	<p>II.2 Разговор с тетей Настей (конфидентом). Тетя Настя говорит, что дом построен на «лешачьем месте», а при поиске тела нужно обращаться за помощью не к Богу.</p>	<p>Адресант интерпретации причин трагического события в жизни рассказчицы: тетя Настя.</p> <p>Адресат советов и интерпретаций: Н-я.</p> <p>Возрастной статус адресанта выше адресата, она интерпретатор и конфидент для своей слушательницы.</p>
	<p>II.3. Обращение за помощью к Юде Трофимовичу</p>	<p>Адресанты – женщины, обращающиеся с просьбой: я (так о себе говорит рассказчица, потерявшая сына), «мама», «Лия» (свекровь рассказчицы).</p> <p>Адресат просьбы: Юда Трофимович.</p> <p>Адресанты (просители) в трудной жизненной ситуации обращаются к давно умершему святому, чей авторитет у местных жителей очень высок. Коммуникативные роли – просителя и подателя информации о месте поиска тела.</p>

Продолжение табл. 2

II. Второй коммуникативный уровень	II.4. Разговор об обстоятельствах смерти старухи	<p>Адресант рассказа о старухе: люди, которые участвовали в похоронах старухи.</p> <p>Адресаты сообщения о старухе: конкретно не определены, но среди них была и сновидица (рассказчица).</p> <p>Адресанты (рассказчики) более, чем слушатели, осведомлены о ритуальных обстоятельствах старухи – местной знающей, чей авторитет при жизни и после смерти очень высок. Знание об обстоятельствах смерти дает возможность предполагать, что потребуется умершей на том свете.</p>
	II.5. Рассказ об увиденном сне свекрови во время поиска тела сына	<p>Адресант сообщения об увиденном сне: я (рассказчица, Н. Е.).</p> <p>Адресат рассказа о сне: «мама», «мать», Лия – свекровь Н. Е. (возможно, адресатом является также свекор, потому что рассказчица говорит, что «побежала к родителям рассказывать»).</p> <p>Адресант (рассказчица) рассказывает о своем сне свекру и свекрови. Она младше их по статусу, но ситуативно ее роль более значима, она – переживающая трагедию мать. Тем не менее адресант – перцепиент странного сна и находится в ситуации когнитивной неопределенности, а слушательница – конфидент.</p>
	II.6. Объяснение свекровью сна	<p>Адресант интерпретации: я (свекровь рассказчицы), мы (свекровь с мужем).</p> <p>Адресат интерпретации: девка (рассказчица).</p> <p>Адресант (свекровь) старше слушательницы по статусу, в данном случае она выступает в коммуникативной роли интерпретатора-конфидента.</p>

Окончание табл. 2

III. Третий коммуникативный уровень (коммуникации в «рассказах в рассказе»)	III.1. Коммуникация в сновидении. Старуха требует платок	Адресант сновидения: <i>старуха</i> . Адресат сновидения: сновидица (рассказчица Н. Е.) никак не названа адресантом требования. Во сне давно умершая знающая старуха, пользовавшаяся при жизни и после смерти среди местных жителей безусловным авторитетом, требует дар.
	III.2. Обращение за помощью к Агафье Кирилловне (пересказ свекрови)	Адресант: « <i>мы</i> », свекровь и свекор рассказчицы. Адресат: <i>Агафья Кирилловна, «которая старушка лечила, они обращались к этой»</i> . Адресанты (просители) в трудной жизненной ситуации обращаются к давно умершей знающей, чей авторитет у местных жителей очень высок. Коммуникативные роли – просители и помощница.

Сравним ситуацию рассказывания вещего сна фольклористкам с внутринаративными коммуникациями. На уровне интервью Н. Е. рассказывает малознакомым фольклористкам (I.1), поселившимся в ее доме на месяц, трагическую историю смерти сына, поисков его тела и связанный с этими событиями вещей сон. Роли хозяйки дома и заинтересованных в общении гостей создали условия для беседы, в которой прозвучало эмоциональное повествование. Хозяйка сама выбрала, что рассказать гостям о себе, предъявляя значимый для себя опыт.

Теперь посмотрим, как общаются персонажи внутри рассказов и как распределены их коммуникативные роли. Внутри первого рассказа («Лешаки водят») неназванные *старики* и *тетя Настя* сообщают односельчанам о «лешачьем месте» и о том, что дом (в котором, кстати, поселились фольклористы) построен именно на нем. Однако на эту информацию от Н. Е. слушательницы не обращают особого внимания, и рассказ переходит на другую

ситуацию, в которой мнение тети Насти было значимо для рассказчицы – «Вот Д-с-то когда утонул» (второй рассказ). Внутри второго рассказа общаются уже только *тетя Настя* и *Н-я*, переживающая потерю сына (II.2). В рассказе звучит череда реплик тети Насти, обращенных к соседке («*Н., у вас дом на лешачьем месте построен, тут раньше люди уходили и их начинало водить, они не знали, как выйти в деревню даже*»; «*Н., Богу не молись, не проси*»; «*Сходи на развилки*»), но в рассказе не слышны реплики младшей. О критической ситуации в жизни младшей соседки уже известно старшей (как и слушателям, поскольку с сообщения о ней начинается рассказ), и от старшей требуется помощь и совет. Старшая женщина выстраивает причинно-следственную связь между неправильно выбранным местом для постройки дома и смертью ребенка и дает конкретную рекомендацию («*Попроси не Бога, а Юду Трофимовича*»). Тетя Настя обладает необходимыми для роли *интерпретатора* компетенциями (понимание ситуации, знание прецедентов – случаев блуждания, знание истории места и местных метафизических авторитетов, умение выстраивать причинно-следственные цепочки). Между коммуникантами нет ни половозрастного, ни коммуникативного равенства: тетя Настя старше, опытнее и компетентнее в ритуальной сфере, и в полном смысле ни тетя Настя, ни старики не являются конфидентами. Мы не знаем, как они узнали о критических обстоятельствах (о блуждании и о пропаже сына), но мы знаем их интерпретации и советы.

В рассказе «А мне приснился сон...» воспроизведена ситуация «первого рассказывания» сновидения рассказчицей ее свекрови (II. 5). Рассказчица обращает внимание на то, что она «*побежала*» рассказывать о сне со *старухой*, что говорит о значимости увиденного. Сон удивил Н.Е., обратил на себя внимание, ей требовалось услышать объяснение непонятным образам (*незнакомая старуха*; «*Но старуху, – говорю, – я не знаю, но она в покойнике...*»). Это ситуация третьего типа по типологии В.А. Черваневой – доверительное общение в ситуации когнитивной неопределенности, или «коммуникативная ситуация первого, конфиденциального рассказа» перципиента и конфидента, подразумевающая неравенство компетенций коммуникантов, по определению Веселовой и Степанова [Веселова, Степанов 2019, с. 19]. Сновидица стала *перципиентом* сверхъестественного сообщения, а роль *конфидента* была отведена ею свекрови, которую она, как и положено в русской деревенской культуре, называет в рассказе *мамой*. Пересказ сновидения введен в нарратив как «рассказ в рассказе», что выделено морфологически – реплика в прошедшем времени «А мне приснился сон» является рамкой «рассказа в рассказе», за которой следует повествование в настоящем времени о сне, в котором

встречается незнакомая старуха в повойнике с непонятными требованиями (*а она вот говорит... говорит: «Мне, – говорит, – отрез-то на платье не надо, а косынку мне бы тёплую, платок тёплый»; Мне-то она еще сказала: «Мне бы отрез-то на платье с петухами, – главное я вот запомнила, – не надо»*).

Свекровь истолковала события сна и нашла пересечения между пространством сна и реальностью сновидицы. В результате общения свекрови и невестки сон «разгадывается»: приснившаяся старуха определяется как Агафья Кирилловна – «которая старушка лечила», к могиле которой успели съездить свекор со свекровью («Мы ездили вчера к Агафье Кирилловне, везли обед и увезли, – говорит, – ей отрез... на платье... только что я, – говорит...»; *Мать-то говорит: «Девка, мы вот везли отрез-то, а петухи ли, не петухи, я даже и не помню»*).

Во время обсуждения сна две женщины, во-первых, вырабатывают совместную стратегию магических действий, во-вторых, рассказывание о сновидении становится общей, матери и бабушки, работой по переживанию горя. В-третьих, магические практики, к которым обращаются женщины, дают им возможность объединить усилия по поиску тела ребенка. Рассказчица обращает внимание на отсутствие координации между родственниками в поиске тела мальчика («Тогда искали, да как бы друг другу не говорят уже, обращались, кто к кому, было не до того тут»). Ритуалы бедствия действительно нередко берут на себя «функцию коммуникативных каналов между разными группами общества (младших и старших, родственников и односельчан), координируют действия, находят язык для критического опыта» [Веселова 2008]. Первое рассказывание о сновидении стало своего рода коммуникативным прорывом между невесткой и свекровью, между матерью, утратившей ребенка, и бабушкой, оставившей внука без присмотра. В соответствии с трактовкой сна свекровью знающая старуха Агафья Кирилловна «отвергла» дар свекрови («отрез на платье с петухами»), и исправить ситуацию представляется шанс невестке (привезти требуемую теплую косынку).

Продолжение истории переводит наррацию из «рассказа в рассказе» к обычному повествованию: сон Н.Е. приобретает статус вещего. Быстрое исполнение невесткой услышанной во сне просьбы старухи («Ну вот, я пошла опять в магазин, купила косынку, этот тёплый платок, и поехали, съездили, с Т-кой, наверное, побыстрому потому что съездили, этот платок ей повесили и посмотрели, что за отрез-то. Действительно, отрез с петухами») приводит к исполнению просьбы о нахождении тела сына («Вот уже потом уже через день-то нашли... папа... папа-то поплыл, у Т-и отец»). Трагедия привела родственниц и родственников

к кооперации на магическом и практическом уровнях для поисков тела мальчика. Рассказ об утрате и сновидении становится своего рода прощением для свекрови (хотя вину за ней Н. Е. продолжает числить: «*А она как бы чувствовала за собой грех, мать-то, на ней был-то ребёнок-то оставлен, она уже на пенсии была, она зашла в дом, а что там это... чё оставить на мостках, вот как бы я оставила? Год и четыре... только ребёнок заходил, вот он сидит-то, вот, видите, видите, какой малюсенький*»).

При анализе коммуникативных уровней рассказа и расказывания мы видим, что ритуальное обращение за помощью к сверхъестественным авторитетам (Агафье Кирилловне и Юде Трофимовичу) зеркально обращению за помощью к авторитетам живущим – тете Насте и свекрови. Как младший обращается к старшему за помощью, так старший находит адресатов просьбы среди сверхъестественных авторитетов. Статусы сверхъестественных авторитетов подтверждаются их номинацией по имени-отчеству, в то время как все остальные в рассказе именуется личными именами, или социальными терминами (*девка, мама, папа*), или термином родства в сочетании с именем (квазиродства, как в случае с *тетей Настей*).

Нарратив с его многоуровневой коммуникативной структурой демонстрирует объединение двух женщин для кооперации усилий и общего переживания, выражения эмоций, признания «греха» и прощения.

Мы видим, что в рассказе регулярно звучат сообщения о случившихся взаимодействиях по поводу «метафизических» обстоятельств, но они ни разу не происходят в ситуации общения равных по статусу собеседников. Мы видим ситуации, в которых актуализируется коммуникативная роль *интерпретаторов* и *советчиков* – это общения со стариками по поводу «лешачьего места» и с тетей Настей по поводу места постройки дома и гибели сына; в этом случае звучат реплики старших. Следующий тип общения, при котором важен диалоговый режим, – это взаимодействие *перципиента* и *конфидента*, в этом случае рассказ сохраняет реплики обеих сторон взаимодействия. Ритуальные коммуникации актуализируют роли *просителей* и *подателей*. Рассказчица сообщает, что и у Юды Трофимовича, и у Агафьи Кирилловны она с мужем, она со свекровью и свекровь со свекром просили, сопровождая просьбу материальными дарами (относы рубахи, отреза или косынки) (*Сходи на развилки и чё-нибудь повесь и **попроси** не Бога, а Юду Трофимовича; с мамой, с Л-й <свекровь> пошли на развилки здесь за рекой, тут есть развилки, повесили рубаху; мама с папой съездили на кладбище... они как бы тоже там... у кого они **просили**; как бы **просили**, чтобы найти-то Д-са-то **проси**...).*) А вот ответы

на просьбы приходят или в виде сновидческого требования замены дара, или в форме выполнения просьбы.

Рассказывание сна в доверительной ситуации свекрови приводит к тому, что старшая женщина «делегирует» ритуальные полномочия невестке и тем самым «посвящает» ее в сообщество равных. Смеем предположить, что именно сообщение о собственной метафизической чуткости, высокой магической компетентности, полученной через опыт горя, и было целью рассказывания хозяйки дома о вещем сне малознакомым студентам. Опыт горя и его метафизического проживания давал ей право на авторитет, который невозможно было не признать гостям из большого города, приехавшим изучать русскую глубинку.

Рассказ о вещем сне передает ситуацию разделения общего эмоционального состояния как внутри рассказа, так и в ситуации рассказывания. Мы можем определить участниц события, переживших утрату и объединенных в общей горе и плаче, а также слушающих рассказ участниц экспедиции как эмоциональное сообщество. Из анализа речевых взаимодействий на разных коммуникативных уровнях видно, что конвенции рассказа о сновидении как речевого жанра предполагают взаимодействие ищущих совета и отзывающихся на просьбу, причем для этих интеракций важно не созидание границ, но их размыкание. Общение происходит поверх физических, социальных и эмоциональных границ: между мертвыми и живыми, между профанами и авторитетами, между виноватыми и обвиняющими, между жительницей далекой глубинки и горожанками. Ключом к размыканию границ является несправедная просьба и признание в слабости (младших по отношению к старшим, старших по отношению к авторитетам), которые запускают цепочки проговаривания и проживания кризиса, дают возможность намекнуть на обиду, поддержать, сочувствовать, жалеть и взаимодействовать.

Приложение

Второй вариант рассказа

Она, говорят богатая была, мама-то, рассказывали, что... Она богатая была, дом у неё большой был, но её... как бы у неё все разворовали, она одна была... и вот её хоронили, вот, говорят, стали хоронить, а вообще ящики пустые, а хоронили, покупали материал ситец, на живую нитку все зашивали и, когда вот Д-ску-то искали, они вот на этот... они ездили... распятие там такое было. Всю жизнь ездили приклонялись – никто, никогда, городские заездили и вот кто-то увезли, вы

понимаете? Вот распятие... <Показывает крест.> Вот этот столбик, вот видите...

<Тоже крест такой старинный, да? Или что?>

Ну там распятие, оно отпечаталось, оно большое такое. Оно, наверное, вот... старинное очень, так оно дорогое, наверное...

<Прямо на могилке было?>

Да-да... вот оно... было... вот это распятие <нрзб>. Была большая, красивая... <нрзб.> ездили, обедали, когда Д-ску искали, и вот она приснилась. <Идем к могиле Агафьи Кирилловны, голос Н.Е. тонет в шуме передвижений.> Я вот откуда знаю там... Приснился большой дом... большой-большой, старуха в повойнике, в этом всё старинном таком, я щас все эти сны помню так чётко.

<И она ситец, да, попросила? Девочки рассказывали...>

Да, мы... да, мы... мы как бы тоже, мы... У неё там день рождения, все деревенские там, мы обычно... он же бригадир фермы, мы поздно всегда заканчивали, я в магазине поздно, надо же ещё скот обрядить, дома детей покормить, и приходим, куда б если на день рождение ни пригласили, мы опаздываем, и тут тоже опаздывам, последние пришли... И я вот... я подношу ей вот этот отрез-то, а она говорит: «Мне бы... это... на платье-то, – говорит, – не надо материал-то с петухами, мне бы платок тёплый...». Вот. Я побежала сразу матери-то рассказывать, что Д-са-то <погибший сын> мы не нашли, побежала рассказывать сон-то. А она говорит: «Девка, дак мы вчера были у Агафьи Кирилловны... обедали на могиле... обед делили... как бы суп, каша, кисель, всё ели, попросили её, чтобы она помогла как бы... ещё найти вот Д-са...» И вот она говорит: «Мы увезли, отрез повесили, только я не помню какой: с петухами или не с петухами». И мы вот с Т-кой <муж> по-быстроу в магазин, эту косынку покупаем и едем туда, это... <нрзб.>. Точно, висит отрез с петухами. <И вы что, на платок поменяли?> Да, на платок поменяли. Ну мы вот ещё... Настасья Никитична приехала, говорит, это... «К Богу не обращайтесь». Она прилетела... ну как бы... ещё после этого она прилетела с Мурманска, ну сын с Мурманска, а она с Лешукони, но она здешняя <нрзб.> бабушка, вот дом сзади нас, там не живут-то никто, что это... «Попросите, – говорит, – сходите на развилки или вот здесь в деревне вот расходятся дороги по́ бору или там напротив нас тоже, на развилки повесьте рубаху и попросите Юду Трофимовича какого-то». Вот мы с мамой покупаю эту рубаху и идём, вот так вот тоже, тихо, солнышко... Мы только поднялись в бор, переехали реку, пошли в бор, а там тоже дорога широкая, как тракторная... и, вы понимаете, тишина... и тут такой ветер, лес зашумел и под ногами – джить – заяц! Мы как схватились друг за друга и стоим, ты понимаешь, сцепились, так страшно! А чего? Вдруг откуда-то? Правда говорят... ну нету никакой... вот поверишь, вот действительно, поверишь. Пришли... взяла друг друга

под ручку, перешли-перешли и пошли в тишину... Зашли, там берёза, там уже вешали кто-то тоже платочки. Мы вот рубаху эту повесили, обратно развернулись, пошли, все тихо, солнышко, тишина такая. И вот... ещё вот день... на другой день мы поехали за реку с Т-кой, у нас уже маленький телёночек был: ему премию дали, мы поехали ветки рябиновые ломать ему. Ну а скоро <нрзб.> мотор делать, ну, а папа <свекор> крикнул нам... дедушка К. <свекор> говорит: «Я поеду». Ну мы с утра уже сплавали до Цемы, тут до речки... ищем... искали Д-са. А папа говорит: «Я сплаваю опять ещё». Думает, может где не подняло его, ну так... И вижу, он немножко подплыл... А приехали сахаровские мужики, привезли в магазин груз и рассказывают... ему там кричат: «Приверни там в курью, там какая-то игрушка плавает, мячик». Я-то уже <нрзб.> поняла: «Мячик!» Шапка-то у него вязана, треугольниками куплена, полоса красная, синяя... <То есть это не мячик...> Не мячик, не мячик, головку подняло, ну папа-то и привез наш. Тоже тут не рассказал. Сидят, дядя Паша приехал с Нарьян-Мара, сидят у нас. Мы с Т-кой-то устали, дак чего, спать ляжем, а они сидят там на кухне разговаривают и слышу... Дяде Паше рассказывают, как нашёл... Дядя Паша-то с ума сходил по нему, приезжал, у него две девочки, вот парня надо было... дак вот это... «Еду, – говорит, – вижу, что это никакая там не игрушка, что Д-с, что головка... выпрыгнул вот в реку, не помню, – говорит, – вот только схватился, вышел, вышел в реку-то, в воду, взял и заплакал, и реву: «Д-ся, я иду, иду». Он рассказывает, а я плачу лежу. <Рассказывает сейчас и тоже плачет.> Так-то тоже не рассказал, что нашли, перенесли, а всё же слышишь. «Нашёл вот и потом, – говорит, – брезент расстелил на песке, поплакал-поплакал, ну чё, нет, надо ехать, везти домой его». А мы с Т-кой всё ещё за рекой. Он... это... в лодку погрузил его, мама вышла на берег-то, а он кричит ей: «Неси простынь!» Я за рекой слышу... Ах... <И вы всё поняли...>

Да. «Т-ка, поехали домой, папа Д-ску нашёл».

(ЭА «Российская повседневность» DTxt18-140_Arch-Mez. Зап. от женщины, 1958 г. р., ур. д. Сафоново, в д. Езевец Быченского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. 16.07.2018 г. К.А. Онипко, А.А. Чепурновой, А.А. Пospelовой, А.О. Захаровой, А.П. Святохой, К.М. Лысиковой).

Список информантов

Н.Е. – женщина, 1958 г. р., ур. д. Сафоново. Зап. в д. Езевец Быченского с/с Мезенского р-на Архангельской обл.

Сокращения

ЭА «Российская повседневность» – Электронный архив «Российская повседневность».
ФА СПбГУ – Фольклорный архив СПбГУ.

Литература

- Веселова 2002 – *Веселова И.С.* Структура рассказов о снах // Сны и видения в народной культуре / сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 171–180.
- Веселова 2008 – *Веселова И.С.* Случай: дискурсивные и поведенческие измерения // *Natales grate numeras?*: сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / [ред. А.К. Байбурин и др.]. СПб.: [Европейский ун-т в Санкт-Петербурге], 2008. С. 179–191.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Живица 2004 – *Живица Е.Ю.* Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2004. 19 с.
- Лазарева 2018 – *Лазарева А.А.* Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М., 2018. 335 с.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Мигунова 2002 – *Мигунова Е.А.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: в честь Наталии Михайловны Герасимовой / [сост. А.Г. Бобров, И.Ф. Данилова, Е.Л. Мадлевская, Е.В. Хворостьянова]. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
- Мороз, Петров 2020 – *Мороз А.Б., Петров Н.В.* Предисловие // «С четверга на пятницу...»: Рассказы о сновидениях в фольклоре Русского севера / сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров, А.Л. Захарова, В.А. Комарова, Н.А. Савина. М.: Редкая птица, 2020. С. 3–21.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

Черванева 2016 – Черванева В.А. Мифологические рассказы как феномен коммуникации // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 148–152.

References

- Chervaneva, V.A. (2016), “Mythological stories as a phenomenon of communication”, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 1, pp. 148–152.
- Lazareva, A.A. (2018), *Simvolika snovidenii v narodnoi kul'ture: fol'klornye modeli i lichnye narrativy* [Dream symbolism in folk culture: folklore models and personal narratives], Ph.D. Thesis (Philology), Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Levkievskaya, E.E. (2008), “Bylichka as a speech genre”, in Arkhipova*, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V., eds., *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatelnosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Collected articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Migunova, E.A. (2002), “On the question of the function of a mythological story”, in Bobrov, A.G., Danilova, I.F., Madlevskaya, E.L. and Khvorostyanova, E.V., comps., *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve: v chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art: in honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.
- Moroz, A.B. and Petrov, N.V. (2020), “Preface”, in Moroz, A.B., Petrov, N.V., Zakharova, A.L., Komarova, V.A. and Savina, N.A., comps., *“S chetverka na pyatnitsu...”: Rasskazy o snovideniyakh v fol'klоре Russkogo severa* [“From Thursday to Friday...”: Stories about dreams in the folklore of the Russian North], Redkaya ptitsa, Moscow, Russia, pp. 3–21.
- Veselova, I.S. (2002), “The structure of stories about dreams”, in Khristoforova, O.B., comp., *Sny i videniya v narodnoi kul'ture* [Dreams and visions in folk culture], RGGU, Moscow, Russia, pp. 171–180.
- Veselova, I.S. (2008), “Case: discursive and behavioral dimensions”, in Baiburin, A.K. and al., eds., *Natales grate numeras?: sbornik statei k 60-letiyu Georgiya Akhillovicha Levintona* [Natales grate numeras?: collected articles for the 60th anniversary of Georgy Akhillovich Levinton], European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia, pp. 179–191.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), “Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives of the Russian North)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 10–24.

Zhivitsa, E.Yu. (2004), *Ustnaya narodnaya snotolkovatel'naya traditsiya (na materiale rasskazov o snakh)* [Oral folk dream interpretation tradition (based on stories about dreams)], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Инна С. Веселова, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; *veselinna@mail.ru*

Ксения М. Лыскова, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; *kslysikova99@mail.ru*

Information about the author:

Inna S. Veselova, Cand. of Sci. (Philology), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; *veselinna@mail.ru*

ORCID ID: 0000-0002-6479-8491

Ksenia M. Lysikova, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; *kslysikova99@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0004-0672-7451